

Аксаков Иван Сергеевич О штатс-воспитании в России aksakovivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://aksakovivan.ru/> Приятного чтения!

Мы обращаемся опять к вопросу о воспитании. Мы уже объяснили прежде, какую важность придаем мы этому вопросу в современной русской действительности, как желали бы мы сосредоточить на нем внимание нашего общества. Именно общества, а не правительства: правительство не только не нуждается в наших напоминаниях, но оно одно покуда и заведывает нашим так называемым общественным воспитанием, оно лежит на нем всей тяжестью своего мощного внимания, исправляя в этом случае, как и во множестве других, должность самого общества. Говорим это не в порицание обществу, но как несомненный и все же прискорбный факт. Чего именно недостает нашему "общественному" или, правильнее говоря, публичному воспитанию – это общественного элемента, общественного значения, участия и контроля. Все заботы о воспитании, к сожалению, лежат у нас на одном правительстве и, конечно, составляют не малое для него бремя. Так сложилась история, – но так не может продолжаться всегда. Общество обязано снять с правительства это бремя или, по крайней мере, разделить его с ним.

Область государства есть область внешнего, способы и средства его также внешние; его задача – внешняя правда и благоустройство. Оно может требовать от человека покорности, строгого соблюдения законов, но не может требовать от него, чтоб он имел такие-то и такие убеждения, чтоб дух его горел именно таким, а не другим пламенем, в такую-то меру и на столько градусов жара. Это, вероятно, было бы для государства очень желательно, но к сожалению невозможно. Государству дело только до поступка человека, до его внешнего действования, – но нет никакого дела ни до его души, ни до его мысли. Оно может предписывать, например, своим подданным не драться, платить деньги по займам, но не может приказывать им любить и прощать друг друга (чего и Христос не приказывал, что он только заповедовал). Государство не апостол и не миссионер, не учитель, не теоретик, не начальник доктрины, – но судья, воин, блюститель порядка и внешнего благочиния. Его эмблема – меч, его сфера – принуждение, а не убеждение; его призвание – ограждать внутреннюю свободу развития человеческого общества от всяких на нее покушений извне. Государство есть то же, что внешний органический покров на живом организме, но не есть самый организм; не в государственном элементе заключается органическое творчество жизни. Все это – такая азбука, все это, кажется, так известно, что истинно совестно и повторять; однако же понятия эти все еще не въелись в кровь и плоть нашего общества, не достигли еще степени жизненной силы в нашем общественном сознании, и потому никакое разъяснение их не должно считаться излишним. – С этой, поставленной нами точки зрения на государство, общественное воспитание как воспитание не может составлять призвание правительства. То есть государственная сила может устранять внешние помехи для воспитания, способствовать делу внешним образом, давать пособия, материальные средства, – но не может воспитывать человека, то есть просвещать его мысль и совесть, наполнять его душу любовью к Богу и ближним, зажигать сердце его жаждою добра и правды, окрылять дух его в парении к высшему идеалу и т.д., и т.д.

В эту внутреннюю область личности человеческой уже не могут достигать никакие орудия государственной силы, – точно так же, как вся мощь государственная, со всем ее грозным снарядом, невластна, например, извратить законы логики, дать направление науке, изменить цифры, приказать быть или не быть историческому факту, создать талант, вложить в человека силу творческого гения. Но, скажут нам, воспитывает не государство, а люди, назначенные государством. Это, конечно, так, да иначе и быть не может. Но если они воспитывают потому только, что назначены государством, по программе и по видам, указанным государственной властью, а не в силу личного, искреннего, свободного и самостоятельного убеждения, то на деле и в результатах выходит, что обязанность воспитания все же приняло на себя государство как государство, а не то или другое лицо, – что оно, само государство, является "воспитателем" юношества. А так как мы уже выше показали, что область духа не есть область государства и что последнее по самому существу своему не может достигать до внутреннего человека, то и деятельность государства относительно воспитания должна по необходимости ограничиваться одною внешнею, механическою стороною или давать результаты чисто отрицательные.

Объясним это подробнее:

Не будучи ни миссионером, ни учителем, государство, или, ближе к делу, чиновник, действующий как власть, направленная на общественное воспитание, может стать к области человеческой мысли и знания, к области науки и искусства – в отношении

Аксаков Иван Сергеевич О штатс-воспитании в России aksakovivan.ru только формальное. Он справляется, например, о ходе наук и искусств в Европе, и по справке оказывается, что науки обстоит в таком-то виде и их последние выводы такие-то; искусства также дали такие-то результаты. – Кто производитель, или кто мастера этих дел? – Такие-то ученые. – Где записано это производство и излагаются последние системы наук? – В таких-то книжках. – По всем частям? – По всем. – Прекрасно. Берутся последние, "самые лучшие", первосортные системы по всем отраслям знания, кладутся на фундамент государственных основных принципов, патентуются одобрением власти, обделываются в форме казенных учебников, – и воздвигается здание общественного или, правильнее, государственного, то есть казенного воспитания. Что выходит из этого? То, что слово науки кристаллизуется, так сказать, лишается внутренней свободы и живости: оно уже зашнуровано, занумеровано, патентовано, оно не может двигаться иначе как в определенной, опробованной форме. Наука переходит разные фазисы в своем развитии; для нее настает иногда период совершеннейшего отрицания всех ее прежних выводов: это отрицание пройдет, но оно необходимо как логический момент развития, как проверка, как анализ, очищающий ее от лжи; было бы в высшей степени неблагоприятно останавливать ее в этом фазисе рукою власти. Положим, например, что по справке, наведенной государством, оказывается, что последний вывод науки где-то там, за границей, именно таков, – то есть отрицание. Государство, с примерным беспристрастием, истекающим из искреннего уважения к науке, выписывает этот вывод к себе и согласно с ним, то есть "согласно с новейшими требованиями времени", преобразовывает у себя всю систему школьного публичного учения.

Таким образом, мимо преходящее как бы приковывается к месту, легкое, изменчивое становится тяжелым и твердым под тяжеловесною рукою правительства; мода упрочивается, превращается в непреложный закон, и государство нередко дает санкцию своего могущественного авторитета такой теории или доктрине, которая там, у себя дома, на родине, успела уже разрушиться или оказаться несостоятельной, прежде чем достигла пределов нового своего отечества, прежде чем облеклась в официальное звание, дарованное ей государством. Государство, по самой натуре своей, осуждено действовать таким способом и иначе действовать не может. Жизнь науки не в нем, не в самом институте государственном, а вне его; государство имеет дело не с внутреннею органическою силою науки, а с ее внешним проявлением в данных условиях места и времени; оно не может видоизменяться ежеминутно и волнообразно, как живая мысль; его учреждения прочны и долговечны. Кроме того, так как действия государства, исходящие от него и его именем, непременно должны быть сообразны с целью и видами государства, то в этом отношении правительство, патентуя ту или другую научную теорию, рискует стать в самое фальшивое положение. Там, где власть получила исключительное развитие и заменяет собою все отправления общественной жизни, ее действия не могут иметь характера безразличного: если чего она не преследует, то, стало быть, ограждается в своем существовании ее силою, тому она "покровительствует", и в какую бы область она ни вмешалась, этот характер от нее неотъемлем. Если государственная мощь открывает у себя настежь двери, например, отрицанию, то подвластный этой мощи и сильно ее чувствующий народ – сочтет непременно такое допущение отрицания за покровительство.

Таким образом, государственная власть как власть бессильна насадить самую жизнь науки, а может только разве перенести в свои пределы извне – разные знания. Но и самые знания, механически перенесенные, почти всегда бесплодны, не производительны, точно так, как шкаф с книгами сам по себе не больше как вещь, мебель. Можно, например, власть правительственную сосредоточить в юношеских головах, в каждой, такую массу сведений, какой не вмещает в себе ни одна отдельная голова в Германии или Англии, а между тем и Германия, и Англия – страны, без сомнения, образованные и несравненно образованнейшие, чем Россия. Масса сведений, механически сложенных в голове, без органической живой связи, без внутренней деятельности духа, не пользует ничего же, а малое знание живое, не формальное, но вошедшее в духовную плоть и кровь человека, пользует.

Точно так и в другой области воспитания, чисто нравственной. Здесь старания государства дают и результаты чисто отрицательные. Нравственная проповедь, исходящая от начальства – формальное, официальное благонравие, требуемое властью – могут породить в свободном духе юноши реакцию совершенно в противоположном смысле: он поддастся бы может быть вполне искреннему слову убеждения; но как скоро требования, простирающиеся на его совесть, на "святая святых" человека, носят формальный характер и предьявляются властью, то они кажутся юноше нередко каким-то посягательством на свободу его духа и возбуждают в нем страстную жажду противоречия, не всегда выгодную для пользы государственных. Бывает и так, что

Аксаков Иван Сергеевич О штатс-воспитании в России aksakovivan.ru молодой человек совершенно покорно жертвует свободой совести и беспрекословно подходит под мерку официальной нравственности; другими словами, воспринимает в свою душу весь официальный нравственный катехизис. Но такое воспринятое, делая его, конечно, благонравным в смысле внешнем, не дает ему никаких нравственных сил, или, вернее, поражает бессилием те самостоятельные, свободные, нравственные силы духа, которые отпускаются в удел каждому человеку. А человек, обессиленный таким образом – непроизводителен в нравственном смысле, бесполезен и государству, и обществу.

Из всего этого можно сделать следующий вывод:

Государство, принимая на себя обязанность воспитателя юношества, усиливаясь воспитать ум и душу молодого поколения, приходит к результатам – совершенно противоположным истинным выгодам государства.

Оно производит людей механически обученных, с знанием бесплодным и всегда недостаточным: область знания непрерывно расширяется, а механически обученный нынче, уже не годится на завтра, потому что в его знании нет внутреннего самороста, живой органической силы. Оттого, между прочим, нашей России так трудно послевать за реформами во всех сферах, даже технической. Нынче, например, мы узнаем о новых системах кораблестроения; посылаем людей за фаницу, которые легко и быстро перенимают эту систему, и на основании ее переделываем весь наш флот; а там между тем, за границей, явилось уже несколько новых систем, совершенно уничтожающих только что перенятую нами, – перенятую с тем благоговением, с каким студент относится "к последнему слову науки".

Оно (то есть государство), в отношении нравственном, порождает: или людей, совершенно отрицающих нравственность, излюбленную и рекомендованную правительством, – или же людей казенно-нравственных, но лишенных всякого нравственного деятельного начала, отрицательно добродетельных, но не доблестных, без производительной нравственной силы духа. В этом смысле чиновник (разумея это слово в его типическом значении, то есть в значении человека, проникнутого всецело, умом и совестью, принципом официальным, живущего единственно для казенного интереса) и нигилист – суть оба плода нашего государственного воспитания.

История воспитания в России со времен Петра есть история чисто правительственной деятельности. Исторические обстоятельства сложились так, что правительство вынуждено было взять на себя ту обязанность, которая не свойственна природе государственной власти. Государственная мощь предприняла громадную задачу: не отрекаясь от своего принципа, создать в России такое просвещение, такое образование не только мысли, но и духа, которое бы вполне гармонировало с незабываемыми основными началами государства и в то же время давало бы всю ту пользу, какую имеют от наук, и вообще от творческого духа человека, прочие страны. Науки и искусства поступили на службу. Нельзя не прийти в изумление, говорили мы уже однажды, "пред теми настойчивыми энергическими усилиями государства: создать во что бы ни стало – штатс-просвещение, штатс-науку, штатс-искусство, штатс-поэзию, штатс-литературу, штатс-нравы, штатс-нравственность. Государство не щадило расходов на воспитание общества в направлении и духе, соответствовавших государственным целям. Конечно, ни одно общество в мире не стоило таких издержек казне, как русское общество!" Плодом этих самоотверженных, настойчивых усилий – современное просвещение России. Два главных типа выработаны нашим современным просвещением и публичным воспитанием: чиновники и нигилисты... Первые, то есть чиновники (разумею благонамеренных, таких, которые вполне воплотили в себе идеал чиновнический, вместили в себя все, что могло им дать доброго казенное воспитание), конечно, оказали не малую пользу правительству; однако же само правительство в наше время постоянно ищет деятелей не казенных, в среде не чиновной, таких, которые бы были воспитаны вне его влияния, – требует людей, самостоятельно убежденных, а не одних слепых исполнителей... Нигилисты – это антипод чиновников, противоречие, чиновничеством же вызванное к жизни: другой жизненной почвы нигилизм у нас и не имеет, какие бы ни принимал формы, в какую бы бюхнеровщину ни облекался. Он сам по себе не имеет содержания, чужд всякой положительной, зиждущей силы; у него только одно значение – отрицания, направленного преимущественно против всего того, что казенно в какой бы то ни было области. Он весь – болезнь, но болезнь не самостоятельная, а созданная лекарствами. Поэтому-то нигилизм особенно преуспевает у нас в общественных заведениях и слаб в воспитании домашнем.

Аксаков Иван Сергеевич О штатс-воспитании в России aksakovivan.ru
Мы сказали в последний раз, что наше общественное воспитание не укрепляет, а расслабляет, и как бы совершает на каждом человеке из народа, приобщающемся к нашей цивилизации, поступающем в наши школы, действие петровского переворота. Это действие заключается в том, что человек отрывается от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле. Мы заметили также, что простой народ всех учившихся в наших средних и высших заведениях понимает чиновниками, принадлежащими уже не к народу, не к земству, а к сфере официальной. Он не совсем ошибается, если вспомнить, что у нас нельзя почти получить образование иначе, как пройдя "по всей официальной лестнице общественного воспитания", с помощью официальных учебников, по официальной программе; что науки и искусства, изучаемые и воспринимаемые воспитанниками наших общественных училищ, апробированы официальной властью. Таким образом сотни тысяч молодых людей ежегодно, по понятиям народа, испытывают на себе, чрез официальное воспитание, действие петровского переворота, отрываются от родной почвы в обширном, нравственном смысле этого слова, становятся пришельцами на своей собственной земле, переходят из земства, из народа, в чиновников, в мир официальный, казенный, государственный. Можем ли мы после того дивиться тому недоверию, тому нерасположению, которое мы замечаем в нем к нашим книгам гражданской, т.е. казенной печати, к нашей светской науке?

Всякий, ревнующий о достоинстве государственной власти, должен желать, чтобы она не истощала даром своих усилий на выполнение обязанностей, не свойственных ее природе. Без малейшего сомнения, правительство желает только блага и блага, но там, где ему приходится действовать за общество или за церковь, оно, по самому существу своему, осуждено действовать внешними средствами в области духовной и, следовательно, извращать поневоле самую природу духа – что отражается невыгодными последствиями и для самого государства. Общество и церковь, как мы сказали, должны облегчить это бремя, лежащее на правительстве. Функции (или обязанности) государства, для блага его самого, должны быть строго уяснены в общественном сознании...

Впервые опубликовано: "день". 1864. № 20, 16 мая. С. 1-3.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://aksakovivan.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!